

ОБРАЗ И ОБРАЗЕЦ: ПАМЯТИ Ю.А. ЛЕВАДЫ (1929-2006)

В одном из последних интервью, текст которого Юрий Левада уже не успел вычитать и заверить, он вдруг заговорил про «вытеснение в область мертвой памяти». Равнодушие, помпа и пошлость (если это вообще не одно и то же) угрожают каждому из ушедших. Однако фигура Левады, перейдя теперь в иное измерение, с прежним, земным упрямством сопротивляется славословиям и героизации. А при жизни он тут же прекращал любые толки о каких-то своих заслугах и отличиях, пожимал плечами и ссылаясь на «проблему безрыбья». Надо понять — знаки даны, решимся их прочесть, не отворачиваясь и не заслоняясь, — в каком обезлюдевшем, обесцененном, обеспокоенном пространстве живут сейчас люди в России. В чем их общие ориентиры? Кто их признанные авторитеты? Стыдно произносить ответ.

Не будем говорить о гении — чаще всего этим только оправдывают собственную несостоятельность. Левада был человеком деятельным и коллективным. Социально-неравнодушным (ангажированным) и ответственным (то есть не безответным). Убеденным и последовательным. В этом суть. Такой индивидуальный склад, помноженный к тому же на безукоризненную научную честность и человеческую порядочность, об обаянии личности не говорю, составлял чрезвычайную редкость и притягивал к нему многих. Но многих — а их было куда больше! — отталкивал. Давайте осознаем, насколько он противоречил всей антропологии советского общества и человека, сколько бы названный разваливающийся социум и его руководящие органы ни пытались подобные качества переиначить на свой куций салтык, присвоить себе и на правах морального кодекса вбить в подопечное население «активную жизненную позицию», «коллективизм» и тому подобные дежурные, но безрезультатные заклятья.

«Я не умею работать без интереса», — сказал он однажды в интервью (а само понятие повторял не раз, иногда, применительно к другим, еще называя его словом «страсть»). Казалось бы, просто? Но такое свойство — приходится напоминать — тоже было исключительным. Это сейчас им как будто бы восхищаются, да и то на словах, но прежде его не прощали. Поскольку привычным среди окружающих было совсем другое — «мучиться», «отбивать повинность», «тянуть лямку», «сидеть на двух стульях», «отдавать кесарю кесарево».

Вокруг Левады постоянно были люди. В раздробленном, распяленном, испуганном и настороженном советском социуме подобное, опять-таки, было подозрительным. Добровольная сплоченность вокруг чего-то смотрелась опасным вызовом: «Чем это они там занимаются?». И тут же поспешное и шкурное: «Да они же нас всех погубят!». А ведь такую реакцию (и со стороны людей, считавшихся, грех сказать, «приличными») приходилось видеть-слышать даже во вполне вегетарианском 1984-1985-м. Что уж говорить о 1969-1970-м — после советских танков в Праге и начала эмиграции из СССР, после процесса Галанскова-Гинзбурга и разгрома «Нового мира»? Тогда и пошли под нож идеологически не выдержанные «Лекции по социологии» Левады, а их автора, доктора философии, лишили профессорского звания, отрезали от возможностей преподавать и публиковаться, разогнали возглавлявшийся им отдел.

Но Левада никогда не прекращал дело. Он любил собирать людей. И умел их сохранять (охранять, хранить). Характерно, что многие его сотрудники и единомышленники второй половины 1960-х пришли вместе с ним — через двадцать лет, и каких лет! — в июле 1988-го в недавно созданный ВЦИОМ, чтобы работать там до нынешнего дня. Показательно, что и открытый (эта публичность была для Левады принципиальной!) семинар того же времени был возрожден в конце 1970-х, а

потом, еще после нескольких лет перерыва, перенесен во ВЦИОМ и существует в Левада-Центре по сей час. И когда в сентябре 2003-го возникла угроза огосударствления нашего Центра и смены его руководства на кремлевских назначенцев и прихвостней, весь новый коллектив Левады единодушно и сознательно опять ушел вместе с ним.

Однако при всей многодесятилетней преемственности в работе, ее темах, направленности и уровне, при всей верности старым связям, их неустанной поддержке и заботливым бережении Левада постоянно и естественно становился первым, кто начинает новое. И делает это резко, бесповоротно (мягкость Юрия Александровича в общении не должна скрывать решительность его поступков и однозначность выбора: он не был задирой, никогда не кипятился, но уж примирителем и релятивистом не был тем паче). Он не просто чувствовал время — он его воплощал. И указывал, если кто хотел видеть. Его отдел в тогдашнем ВЦИОМе назывался отделом теории. Сам он был теоретиком, что называется, от бога: его считанные, но так и не прочитанные научным сообществом статьи как будто бы немого десятилетия 1974–1984 гг. в конспективном наброске представляют единственный на тот момент в России, да и по сей день, теоретический проект социологии как самостоятельной дисциплины (в 1993-м они вошли в составленный учениками и сотрудниками сборник «Статьи по социологии»). Но в 1988-м Левада разом постановил для себя и дал понять нам: «Сегодня нужно другое». Так родилась и, по историческим масштабам, очень быстро оформилась разновидность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас в стране, ни за рубежом. Она основывается на гигантских массивах эмпирических данных, полученных в ходе регулярных по ритму, но постоянно меняющихся по содержанию, к тому же, как правило, заказных опросов общественного мнения, и, вместе с тем, ставит задачу описания и понимания социальных, экономических, политических, культурных, национальных, электоральных процессов, которые составляют нынешнее российское общество, происходят в его «низах» и «верхах».

Интересом самого Левады в рамках этого нового его проекта была (и это тоже характерно!) антропология советского — выживающего, адаптирующегося, применяющегося к обстоятельствам — человека в постсоветских условиях, в постимперских рамках, на руинах тоталитарного уклада. Во многом, и даже прежде всего, именно этому были посвящены его статьи последних двенадцати лет, составившие два массивных сборника — «От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000» (2000) и «Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005» (2006). Почтительные ссылки на них как будто бы встречаются в журналах и книгах — идеи же по-прежнему не обсуждены, не взяты в работу. Или я ошибаюсь?

... В тот ставший роковым четверг 16 ноября у меня в голове с самого утра почему-то крутились две цитаты (Юрий Александрович последние полторы недели неважно себя чувствовал, и подсознательная тревога за него, видимо, не оставляла и ночью). Одна — байроновская строчка: «Кто убил Джона Китса?». Вторая — эпиграф к циклу сонетов Нервала «Христос в масличном саду»: «Плачьте, дети, нет у вас больше отца». Сознание не может смириться с тем, что Левады уже нет... Тем важнее понять — и, может быть, помочь оценить другим, — кем он был, останется и, хочу верить, останется.

Б.В. Дубин

¹ Материал размещен на сайте «Ежедневного журнала» 20 ноября 2006 г. Благодарим автора за предоставленную возможность опубликовать его в нашем издании.